А. Е. Гирич
(Феодосия)

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА

I

АЮ-ДАГ

Давным-давно весь Крым, все его нынешние горы и степи были покрыты густым дремучим лесом. В лесах жила масса всяких диких зверей, но особенно много жило больших серых медведей. И главным над всеми медведями, царем медведей, был громадный, как гора, старый злой медведь. Боялись люди жить тогда в Крыму—растерзали бы их медведи. А медведи, чувствуя свою силу, совершали набеги на близкие к Крыму местности. Чуть весна, отправлялись полчища голодных медведей за Перекоп и пожирали жителей, если те не могли дать им достаточно припасов. А какие же весной припасы у бедного крестьянина—особенно после плохого урожая. И бежали люди, прятались в пещеры, на лодки среди реки. Но не помогло и это. Становились медведи вдоль берега и выпивали всю воду так, что лодки и плоты оказывались на сухом месте. А то загребет лапой медвежий князь сколько может воды да и пустит ее на кораблики. Тех и выбрасывает на другой берег. От дикого рева, от страшного вида громадных, как башня, глаз «Серой горы», от мысли о его громадных, как стволы старых сосен, и крепких, как сталь, зубов, безумели корабельщики и, бросившись к веслам и парусам, старались уплыть, но ужас сковывал их, слепил глаза и мало кто уплывал, бóльшая часть попадала на берег, погибала в лапах медведя. И тут начиналось ужасное пиршество. Кровь мешалась с мозгами, забрызгивала все окрестности. Самое небо будто краснело от отблеска пролитой крови. Ужасные крики, вопли, плач, мольбы—ничто не трогало жестоких, хитрых зверей. Клочьями рвали они мясо все еще живых людей. Но ничто не могло сравниться с кровожадностью медведя «Серой горы». Целыми толпами глотал он несчастных и с кровожадной жестокостью мял их своими старыми, гнилыми, но еще крепкими зубами. Именно

мял, а не разгрызал. Много храбрых выходило сражаться с ним, но все погибали. Однажды пришли сразиться с ним с севера медведи—«бурые великаны», но как ни страшны были их железные зубы и когти, как ни крепки были их медные черепа, твердая, как кость кожа, мало «бурых» могло израненными бежать и разнести по северу славу «Серой горы». Но и у жестоких бывают светлые минуты. Сыт ли был «Серая гора» или, правда, нашла добрая минута, но помиловал он однажды малютку-девочку и унес к себе в Крым. Там построили медведи дом, натащили припасов и стала жить в медвежьем царстве питомица «Серой горы». Из года в год росла слава побед старика, из года в год ширились ужасные слухи о его кровожадности. А там на юге, в дремучих лесах, росла и хорошела, становилась красавицей, какие и тогда были редки, девушка-пленница. В страшной неволе, под вечным надзором, где не с кем и словом перемолвиться, выросла красавица. Тихой и доброй не забыла она христовых заповедей, которым научили ее в детстве родители. Белочкам перевязывала ленточкой пушистый хвостик, зайчиков от лисы прятала, больных медвежат лечила. И любили ее звери. Кто ягод лесных, кто красивых цветочков принесет, а птички пели ей сладкие песни. Слушая их, стала петь и сама красавица, и красивее ее голоса, словно серебряным колокольчиком переливающегося, не слыхали еще дикие леса. Медведи застывали, подняв лапу, волки давали уйти овце, а птицы смолкали и слетались соловьи учиться ее дивному искусству. Стала рядом с славой «Серой горы» по свету двигаться слава смуглой красавицы. Прослышал про нее однажды богатый и смелый кавказский князь-язычник, да так полюбилась она ему, что не послушал добрых советов, велел снарядить 200 кораблей и поплыл в Крым. Но проведал о том «Серая гора», выставил дозоры и, как только отошли от кораблей храбрые витязи, бросился на них с войском. Дорого продали жизнь храбрые кавказцы, уцелел один только князь. Заваленный грудой тел, покрытый ранами, остался он на горе поражения незамеченный медведями. Очнулся князь, омыл раны и побрел в глубь страны, опираясь на меч. Решил упорный, что хоть погибнет, а увидит дивную красавицу. И увидел. Набрел он темной ночью на ее домик, когда вся стража спала, и постучался в оконце. Впустила его красавица и спрятала у себя в кладовой. После много раз по ночам виделись они, и полюбился князь красавице, решила она с ним бежать от медведей. Только ушел в поход старый медвежий господарь, как собрала она свои вещи, запрягла двух оленей быстроходных и поехала к синему

морю красавица. Приехала, и запела она песню, призывать стала она волков-плотников, лис-инженеров, крыс-корабельщиков. Послушались милого голоса звери, сбежались со всего Крыма и закипела работа. Вот уже только оснастка осталась. «Серая гора» вернулся с похода. Узнал он, что бежала пленница, и бросился в погоню со всем войском. Едва успел кораблик спуститься, едва успели строители попрятаться, подбегает полчище к морю, а кораблик уже по морю гуляет, на всех парусах летит к Кавказу. Заревел от гнева медведь и лег на берег воду пить. Видит беглянка плохо дело—вдвое меньше воды осталось, кое-где уже по суху медведи догонять стали. И взмолилась красавица к пролетавшему чародею о помощи. В награду за песню согласился помочь он ей. Поет она песню, колдует колдун, а «Серая гора» чует, что каменеет его спина, что поздно уже. Не может он бежать, камнем скоро весь стал, а медведей его затошнило хлынувшей из пасти водой. С той поры нет в Крыму медведей. С той поры стоит около Гурзуфа каменный медведь Аю-Даг. А князь и красавица приплыли на Кавказ и мирно прожили до смерти.

II

ОДОЛАРЫ

(греческая легенда)

В версте отсюда есть в море две скалы. Называются они Одолары-близнецы. Словно лаская, плещется море об их суровые могучие склоны. Сквозь лазурь вод не видно дна. И вся природа как-то бережна к этим красавцам-скалам. Капли дождя словно миновать их хотят и падают в море вокруг, не задевая скал. Буйные вихри и штормы стихают, приближаясь к ним, луч зари заливает пурпуром и убирает золотом их камни. А соловей в ночной тьме в каждую тихую ночь шлет им свои переливные сладкие трели с вершины утеса. И кажется, будто там далеко веселый пир, и прекрасные музыканты и певцы увеселяют гостей своим пением. Когда же разгуляется буря, когда по раздолью широкому моря запенятся зеленые валы, тогда у скал словно гул, словно стон стоит. Будто кто из темницы рвется. Кто-то сильный, молодой, злою судьбой сраженный. А буря все крепнет, и горе тому, кто решился бы в этот день поплыть к Одоларам. Вдруг страшный, как горный обвал, последний вал потрясает Одолары, тогда громоносное несется из них проклятие и в миг стихает шторм. А давно-давно было время, когда ни Одоларов, ни Гурзуфа не было.